

Соб. Россия, 1985, 24 дек

2

Михаил Ульянов

РАЗГОВОР ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

СОВЕСТЬ И СТРАСТЬ ТЕАТРА

ОЧЕНЬ хорошо, что сегодня на страницах газеты идет острый разговор о проблемах современного театра. И, думаю, эта острота вполне обоснованна. Социальные, идеологические, нравственные задачи театра в свете положений проекта новой редакции Программы КПСС сейчас особенно высоки. А проблем у театра много, и говорить о них надо именно так — остро, откровенно, принципиально.

Думаю, совершенно неправильно говорить, что у нас все плохо в театре, нет. Актерская школа нашей страны — одна из высочайших школ. Наши лучшие актеры — это поистине актеры мирового класса. У нас есть замечательные режиссеры, продолжающие великие традиции русского театра, который в XX веке задавал тон мировому искусству. У нас в театре есть много такого, чем стоит гордиться. Но есть и другое, то, что еще серьезно мешает настоящему творчеству.

Я — актер, и поэтому буду говорить об актерских проблемах, о проблемах тех примерно 35 тысяч человек (не так много для страны, где жителей 275 миллионов!), которые выходят на сцену. Я бы выделил две основные проблемы: уровень актерской работы и условия актерской жизни.

Средний уровень актерской работы, несмотря на то, что у нас есть мастера мирового класса, сейчас, на мой взгляд, падает. Нас захлестывает декларативность, нам не хватает социальности, образности, художественности. Мы, актеры, в основном декларируем те или иные образы, как рупоры авторской мысли. Что этому виной? Ответу устами компетентного зрителя.

Недавно обсуждался один спектакль в нашем театре. После спектакля мы попросили зрителей: «Давайте поговорим, выскажите свое мнение». И я среди прочих как раз и задал вопрос: почему сейчас падает зрительский интерес к театру? Почему же нет того острого интереса, что был свойствен концу 60-х — началу 70-х годов? Один из зрителей, рассуждавший очень интересно, сказал: «В чем-то «виновато» телевидение, а в основном вы сами виноваты». Я думаю, что он прав. В начале 70-х годов тоже было телевидение, но, однако, в театр попасть было невозможно. Очевидно, мы сами все реже работаем на сцене с полной творческой отдачей.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что не идут в те театры, где обходят острейшие вопросы, в намеренном эстетизме и повторяют зады. Почему в куйбышевском, а в омском театре всегда полно

зрителей? Мы мало и редко анализируем проблему театра и зрителя, да и вообще мало обсуждаем собственные творческие вопросы. В чем сила актерской школы, в чем ее слава, ее тенденции? Вот круг вопросов, в которых необходимо серьезно разобраться, хотя бы потому, что одна из причин падения творческого уровня театра заключается в условиях работы актеров. Почему пассивны даже некоторые актеры-лидеры, не говоря уже о прочих работниках актерского цеха? Потому что актер в театре мало что решает. Вспоминаю: у нас в театре был такой замечательный, редчайший талант актер, как Гриценко. Рубен Симонов давал ему возможность играть в полной мере, жаловаться, что его кто-то зажимал, Гриценко было нельзя. Но лучшие свои (именно свои!) роли — Тарелкина, Хлестакова, Расплюева — он так и не сыграл, потому что план театра, проблема репертуара ему не позволили. Почему Астангов не сыграл Гамлета? Потому что пока он пришел к Гамлету, ему стукнуло 62 года. Так почему бы театрам не дать ведущим актерам право на бенефис?

А кому разрешать бенефисы? Сами понимаете, вопрос этот непростой и даже болезненный для самолюбия. Думаю, что решать его должен художественный совет. Но только сам художественный совет, по моему убеждению, должен быть несколько иным, чем сейчас. Он должен активнее влиять на социальную и творческую позицию театра, помогать раскрыться личности актера. Это тем более значимо, что в театрах действует конкурсная, просмотровая система при приеме на работу, судьбу артиста решает художественный совет. Поэтому думаю, что следовало бы коллективу самому разрешить выбирать этот художественный совет — пока же его назначает Министерство культуры по представлению руководства театра. А руководство иногда, сами понимаете, кого представит — тех, кто поуживчивее, потише, заботится о собственном спокойствии. Коллектив же театра поддержит тех, кто хоть маломальски умеет отстаивать свою позицию.

СЛЕДУЮЩЕЕ предложение касается заработной платы актера. Режиссер Марк Захаров не так давно правильно говорил о том, что сейчас актеру иногда выгоднее не работать в театре, т. е. меньше работать в театре, а больше — на телевидении, в кино, на концертах и различных встречах. Ведь что получается? Сейчас, к примеру, я играю Отелло, и мне платят 1 руб.

20 коп. А завтра я стою на сцене с пикой, и мне тоже платят 1 руб. 20 коп. Ну с пикой ладно, но когда я играю Отелло... Ведь, серьезно говоря, это же роль. Роль!

Кто-то заметит: надо ли выносить на общее обсуждение такие меркантильные проблемы? Надо, ведь это то, что нас, актеров, серьезно задевает и касается нашего реального существования. Известно, что над этими проблемами ныне работают. Однако хотел бы предостеречь против упрощений.

Вместо того чтобы повысить оплату крупной роли, сейчас предлагают другое. Каждый актер должен получать минимум. Скажем, если сейчас он получает 200 рублей в месяц, то теперь получит 80, остальное ему допадут, если он сыграет определенное количество ролей. Правильно ли это? Думаю, что нет. Почему? Да потому, что роль артисту дает не бог-царь, а художественный руководитель, и он может, руководствуясь иногда совсем не творческими (скажем так) соображениями, поставить актера в такое положение, когда он будет получать совсем мало.

Конечно, истинный артист играет ту или иную роль не за деньги, а за творческую радость, совесть, ответственность, за то, что ему позволено играть. Но есть же еще и человек, и нужно о нем позаботиться. Заинтересованность в ролях, в повышении своего мастерства должна быть не только творческая.

Особо следует подумать о периферийных актерах, которые трудятся в театре гораздо больше столичных за 100—120 рублей в месяц — и так всю жизнь! У них ведь часто нет возможности «подработать на стороне». Мы, требуя от них искусства, самоотдачи, выполнения важных общественных задач, еще плохо их к этому материально поощряем.

Отдельно о критике. Совершенно справедливо говорили уже некоторые деятели театра, что, к сожалению великому, многие острые статьи написали сами актеры. Я уже привык к тому, что после очередной новой роли ко мне приходит критик и говорит: «Расскажите, что вы хотели сыграть». Актер играет, сам себя режиссирует, сам себя хвалит, сам себя награждает, а критика, несмотря на наши многочисленные и уже обычные сетования, продолжает оставаться весьма пассивной.

Конечно, есть умные, острые, интересные, талантливые статьи. Но только отдельные. А вот почитайте критиков прошлого — Алферса Юзовского. Какая конкретика,

какое точное обозначение удач или неудач! Сейчас же зачастую не поймешь, где удача, а где неудача, все одним махом замазано, все — уровень, все — подъем!

В этом зеленом болоте мы окончательно морочим голову зрителям. Сами-то мы знаем... Нам хорошо известно, кто хорошо играет, кто плохо. Но пресса по этому поводу дает чаще всего какую-то усредненную оценку. Можно сыграть роль гениально, скажут: справился. Можно провалить роль — скажут: не показался. Разве это оценки? Попробуй у нас о каком-то признанном актере нелестно написать — завтра полетит жалоба в самые высшие инстанции. Иных актеров и режиссеров просто не принято, нельзя ругать, не напечатать. Напротив, меня нельзя ругать. Но это же неверно. Критика должна помогать. И не только нам — зрителям тоже.

ОДНАЖДЫ критик Борис Любимов сказал, что нам нужна театральная газета. Я тоже считаю, что она необходима. В ней можно было бы критиковать, отмечать лучшее, спорить и разъяснять, проследить весь театальный процесс. У нас масса отраслевых газет. Почему же нет театральной газеты? Она нужна, очень нужна, потому что журнал «Театральная жизнь», который, кстати, сейчас стал более интересным, не может охватить всех проблем, да и рассчитан на узкий круг читателей. Газета необходима для поднятия уровня театрального мира. Мы теряем зрителя. Шутное дело — зритель перестает к нам ходить! Мне кажется, что назрела пора и создания союза артистов или союза театральных работников. Я знаю, к этому относятся в общем-то хорошо, надо только оформить этот союз организационно. А уж то, что он поднимет престиж и ответственность актерской профессии, — это несомненно. Пока же сегодня это единственная творческая профессия, не имеющая своего союза.

Хотел бы высказать свое мнение и поддержать творческую позицию Олега Ефремова. Его спектакли, которые я видел, показывают, что он хочет, чтобы театр был на самой передовой общественной линии. Он хочет, чтобы его театр был театром, говорящим в полный голос. Новый его спектакль «Серебряная свадьба» поставлен по далеко не совершенной пьесе. Но ярость, с которой Ефремов бьет в самую главную мысль сегодняшнего времени, в то, что нам мешает, что тормозит наше движение вперед, приводит к

тому, что театр отвечает на самые главные вопросы.

Есть другая позиция — быть рядом. Сейчас в народе, и в нас, в том числе, много страсти, добрых намерений сделать лучше ради страны, ради партии, ради народа, ради Родины. И надо, чтобы страсть народная сдвинула колеса нашего поезда, а не превратилась бы в один свист, как иногда это происходит из-за нашей беззубости, нашей мягкотелости, нашего мышления, порой состоящего из одних общих фраз...

Мы говорим: идеология, идеология. Говорим, и часто. А я это недавно ощутил, да так, что аж мурашки по коже! И вот каким образом. Недавно я был с группой нашей делегации, прекрасно принятой, кстати сказать, в Западной Германии, в Мангейме. И видел там в обыкновеннейшем зале фильм «Рембо-2». Это история супермена (играет такой актер-культурист), который едет освобождать американских летчиков во Вьетнаме, борется с вьетнамскими коммунистами и с русскими парашютистами. Зал битком набит молодежью. Русские парашютисты показаны там дегенератами, дебилами, жестокими и страшными людьми, а вьетнамские товарищи — недалекими и продавшимися. И когда этот супермен лихо расправляется с теми и с другими, весь этот зрительный зал от ярости и сладострастия топчет ногами и визжит. Смотреть на это страшно. Но ведь это работает, действует на человека...

ЧТО ЖЕ мы — советские артисты, режиссеры, да и вообще творческие люди реально можем противопоставить этой пропагандистской машине? Этой наглости. Чаще всего, к сожалению, благодушные, общеприятные фразы типа «ничего, живем хорошо, по-прежнему отдельные недостатки», творческую пассивность, скуку, которая изначально не может увлечь зрителя страстью борьбы. Мы еще нередко неповоротливы, неотзывчивы на то, что происходит у нас и за рубежом, как-то очень робко вступаем в драку за правду, нравственность — в сражение за человека!

Мы должны быть умнее, сильнее, талантливей, со всей силой и страстью утверждать наши идеалы. И театр не может, не имеет права оставаться в стороне от больших дел страны и партии — только тогда он станет той по-настоящему действенной силой, которая поможет сделать нашу жизнь насыщеннее, духовнее и чище.